Дело солдата (интервью Литературной газете 20016 05)

Владимир Свержин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Интервью Владимира Свержина Литературной газете 2016 05

- Владимир Свержин

Владимир Свержин
Дело солдата

Владимир Свержин — харьковчанин, успешный писатель-фантаст, автор более 30 художественных и научно-популярных книг. После госпереворота 2014 года — участник боевых действий на стороне Новороссии. Сейчас живёт в Санкт-Петербурге.

— Как ты, человек аполитичный, вдруг оказался в политической эмиграции?

— Не то чтобы я специально хотел в ней оказаться… К моменту оранжевой революции 2004 года я окончательно понял, что политической деятельностью на Украине заниматься нельзя — куда ни плыви, везде болото. И сосредоточился на литературе. Но после второго Майдана началась война «с доставкой на дом».

Я довольно долго старался объяснить людям, которых считал вполне разумными, что происходит на Майдане: «Да, это возмущение режимом Януковича (которого я на дух не переносил). Но вас используют. Главные игроки появятся, сделают своё кровавое дело и уйдут в тень. Вас используют, как туалетную бумагу, и выкинут».

В результате так оно и вышло. Но «туалетная бумага» почему-то решила ещё возрадоваться и активно участвовать в дальнейшей жизнедеятельности этого нового общества. Как следствие — в моей стране взяла власть абсолютно националистическая, абсолютно бандитская клика…

Для меня переломным моментом стало сожжение инакомыслящих в Одессе. Остаться в стороне, считать, что всё «само рассосётся», было бы недостойно человека чести. Ещё раньше я хорошо знал кое-кого из руководства Вооружённых сил ДНР и начал действовать вместе с ними. Моя армейская специальность — минёр-подрывник. В своё время я был хороший военспец, а людей, имеющих знания и умения, в Донбассе принимали с дорогой душой.

— То, что произошло с Украиной, можно было предвидеть?

— Когда-то, во время событий в Югославии, я спорил с друзьями, говорил, что можно раскачать и Украину. А мне отвечали, мол, Украина страна мелких хозяев, «хатаскрайников», которые хотят сделать свой дом богаче, обустроиться как можно лучше, и потому их раскочегарить невозможно. Тогда это был чисто теоретический спор, я и подумать не мог, что кто-то этим займётся на практике. И, естественно, этим занялись.

Ещё накануне Майдана 2004 года в поле моего зрения попали лагеря подготовки «активистов». На Западной Украине из младших офицеров и прапорщиков готовили тех, кто потом стал «десятниками» и «сотниками» на Майдане. Ко мне обращалось несколько человек из числа военнослужащих, которых приглашали в подобные лагеря. Они спрашивали: что вообще происходит? Они не поддерживали националистические идеи, просто были специалистами своего дела, которые остались без работы после развала Советского Союза, развала армии. Их можно было купить задёшево. Человек умеет командовать, имеет военно-учётную специальность и толком больше ничего в жизни не умеет…

— И вот ты попадаешь на фронт… Что ты испытываешь?

— Испытываю ужас от того, что происходит в моей стране и с людьми, которых я раньше уважал. Они оказались «по ту сторону», и попытки что-то объяснить им ни к чему не приводят. На протяжении десятков лет мы общались, говорили на одном языке, и тут тебя просто перестают слышать. А когда нужно порассуждать, подумать — просто впадают в ярость.

— Наверное, самый тяжёлый вопрос: приходилось ли убивать?

— На такой вопрос ответ всегда один: людей убивать не

приходилось, а уничтожать врагов — основное занятие солдата. Эти люди выбрали губительный для Украины путь. Они сформулировали его абсолютно чётко — «нация превыше всего». И фактически стали нацистами, бандеровцами. Хотя и не все нацисты — бандеровцы, но все бандеровцы — нацисты. Соответственно, я не вижу ни одного основания, чтобы их не уничтожать.

— Правду ли говорят, что украинские «добровольческие батальоны» — это настоящие «псы войны», фанатично преданные режиму?

— По большей части — нет, хотя есть и такие отморозки. Есть те, кто пошёл, купившись на пропаганду, есть те, кто завербовался от безнадёги, кому надо хоть чем-то зарабатывать. Есть те, кто имел уголовное преследование за преступления малой и средней тяжести и получил деловое предложение — либо отправляешься на зону, либо идёшь воевать против ДНР. Таких стараются в плен не брать и не обменивать.

Вспомнилось, как нацгвардейцы предлагали купить за 19 тысяч гривен БТР. Мы, типа, для приличия постреляем в воздух, а вы у нас его угоните. На что командир нашего отряда почесал голову и спросил: «А почему 19 тысяч, что за такая странная сумма?» Оказалось, их там 19 человек. «Хорошо, — говорит командир, — мы дадим 22 тысячи, а они пусть внутрь ещё и автоматы сложат». На том и порешили. Был случай, когда взяли бойцов — обычных солдат. Предложили им перейти на сторону ДНР, но они попросились домой. Дали им старую «газель», их набилось туда человек тридцать. На обратном пути они наткнулись на блокпост Национальной гвардии, и их там всех покрошили, даже не дали выйти из автомобиля.

— Нацгвардейцы не поняли, что это свои?

— Нет, они поняли, но посчитали их «изменниками Родины».

— Как людей, которые стали бандеровцами, можно переубедить? Их ведь невозможно всех истребить. Идеологическая работа подействует? Или у них внезапно откроются глаза?

— Военные победы нужны, поскольку иного довода они не понимают… Должны быть и методы активного переубеждения. Однако есть процентов пять неисправимых. Они не понимают сложных теорий, идея, которую они отстаивают, максимально упрощена — «слава нации, смерть ворогам»… Всё это мы уже проходили. Идея ущербности украинцев, которую они эксплуатируют сейчас, поднималась националистами многократно. Главный посыл украинская исторической науки — «нас все всегда обижали», «нам все всегда должны».

— Есть ли по эту сторону фронта фанатики и насильники?

— Увы, есть. Я далёк от того, чтобы говорить, будто наши «все в белом». Игорь Стрелков не зря вводил железную и кровавую дисциплину, за мародёрство и пьянство были очень жёсткие наказания.

— Почему не удержался Стрелков?

— Потому что серьёзно подходил к своему делу. Он пришёл не деньги зарабатывать. Он жил идеей Русского мира. Да, он просчитался, предполагая, что после Крыма Россия возьмёт под своё крыло Донбасс. Донбасс, как некая своя законная часть, оказался России не нужен. Соответственно, оказался не нужен и Стрелков.

— Как писатель ты мог наблюдать войну отстранённо? Возникало ли желание запечатлеть, запомнить характеры или какие-то ситуации?

— Да, видел много и общался с разными людьми — и с той, и с другой стороны. Конечно, это требует осмысления, чтобы лечь на бумагу. Пока я ещё не готов.

— После Гражданской войны в Советском Союзе вышла целая серия произведений, которые осмысливали события той поры, — от «Белой гвардии» до «Первой Конной». Кто бы смог, на твой взгляд, с должным размахом описать то, что происходит сейчас?

— Упомянутые произведения Булгакова и Бабеля — это пики. Между ними находится огромное количество горных вершин, и только все они вместе представляют общий массив, совокупно создают портрет эпохи. Картина исторических событий — результат усилий многих творцов. Возможно, когда для меня это будет не так болезненно, я тоже смогу приложить руку, поучаствовать в общем деле.

Беседовал **Константин КЕВОРКЯН**